

© 2012 г. Самохин А.В.

УДК 941

ПРОБЛЕМА ВОЕННО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОМОЩИ СССР КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ КИТАЯ 1945 – 1949 ГГ.

На протяжении всего периода гражданской войны 1946 – 1949 гг. в Китае СССР оказывал существенную военно-экономическую помощь китайским коммунистам. В отечественной историографии существует прочно утвердившееся мнение, что помощь оказывалась компартии Китая (КПК) в основном безвозмездно. Советские историки писали о помощи, как о проявлении пролетарского интернационализма, а современные российские – как о бескорыстной [1, 2, 3, 4].

В частности, А. М. Ледовский, ставя вопрос, что же побудило И. В. Сталина проявить беспрецедентную в международных отношениях щедрость, утверждает: «На послевоенную внешнюю политику СССР в отношении Китая большое влияние оказала поднявшаяся в результате разгрома фашистской Германии и милитаристской Японии волна национально-освободительных движений в Азии, и в частности на Дальнем Востоке. Сталин исходил из того, что в случае прихода КПК к власти коммунистов Китай станет оплотом национально-освободительного движения народов колониальных и зависимых стран. Для того чтобы получить от СССР всю необходимую помощь для победы, Мао Цзэдун и ЦК КПК настойчиво внушали Сталину мысль, что коммунисты, придя к власти, установят «вечную и нерушимую дружбу» между Китаем и СССР. Они постоянно предлагали, чтобы Сталин, ЦК ВКП(б) давали им свои указания по всем вопросам внутренней и внешней политики, и твердо заверяли, что во всей своей деятельности КПК будет руководствоваться указаниями Москвы. Клятвенные заверения Мао Цзэдуна и других руководителей КПК, по-видимому, убедили Сталина, что у СССР не будет никаких проблем в отношениях с Китаем, если к власти там придут коммунисты. И чтобы КПК действительно стояла на позициях «вечной и нерушимой дружбы» с СССР, как об этом неоднократно заявляли Мао Цзэдун

и другие руководители КПК, Сталин решил в дополнение к помощи, предоставленной КПК для завоевания победы над Гоминьданом, преподнести в дар все имущественные и другие права, полученные ранее Россией и СССР в Маньчжурии по договорам и соглашениям с Китаем, которые руководителями КПК были признаны вполне равноправными. Как показали вскоре дальнейшие события, заверения Мао Цзэдуна носили конъюнктурный характер. Надежды Сталина на «вечную и нерушимую дружбу» между СССР и КНР не оправдались» [3, с. 143-145]. Выделяются следующие основные причины безвозмездной помощи КНР: 1) рост национально-освободительного движения в Азии, главную роль в котором глава Советского правительства отводил КПК а затем КНР; 2) китайские коммунисты убедили И. В. Сталина в беспрекословном подчинении.

Не совсем ясно как А. М. Ледовский приходит к таким выводам. Если выводы о ведущей роли КНР в национально-освободительном движении в Азии делаются на основании, что Сталин отклонил просьбу Мао о вступлении КПК в Коминформ и предложил создать объединение коммунистических партий в Азии [1. Ф. 39. Оп. 1. Д. 39. Л. 49], то это говорит о том, что СССР имел в регионе совершенно другие стратегические цели и задачи и ни в коем случае не хотел создания единого коммунистического центра. Руководство коммунистическим движением, по мысли И. В. Сталина, бесспорно, должно было осуществляться из СССР. Но новый Китай в этом случае должен был бы выполнять не только интернациональные задачи, но прежде всего задачи, поставленные Кремлем. Несмотря на то, что китайское руководство постоянно предлагало, чтобы ЦК ВКП(б) давал им свои указания по всем вопросам внутренней и внешней политики и твердо заверяло, что во всей своей деятельности КПК будет руководствоваться указаниями Москвы, Сталин на полях доклада от 4 июля 1949 г., представленном на рассмотрение Политбюро ЦК ВКП(б) делегацией ЦК КПК во главе с Лю Шаоци, который содержал подобное предложение, написал – «Нет!» [1. Ф. 45. Оп. 1. Д. 328. Л. 50]. Если бы он серьезно был намерен отдать роль регионального лидера КПК, то наверняка был бы рад поставить ее под контроль. Здесь же очевидно, что вопрос, кто будет руководить национально-освободительным движением в Азии не вызывал сомнения, а вот дистанцироваться от действий китайских коммунистов было для СССР необходимо и в дальнейшем.

А.М. Ледовский характеризует И.В. Сталина как наивного и неискушенного политика, верящего обещаниям о «вечной дружбе». За годы нахождения у власти глава Советского правительства имел случай неоднократно убедиться в том, что такие заверения ничего не стоят. Кроме того, коммунистическая ориентация того или иного лидера отнюдь не исключала его выхода из сферы влияния Советского Союза. Живой пример на тот момент – Югославия. Глава СССР постоянно подчеркивал сильное влияние буржуазных элементов в Китае, тем более об этом постоянно говорил и Мао Цзэдун. Кроме того, правительство КНР было по сути своей коалиционным, и в армии значительную часть составляли бывшие гоминьдановцы, даже среди генералитета [1. Ф. 45. Оп. 1. Д. 331. Л. 101–102; 2. Ф. 39. Оп. 1. Д. 39. Л. 7–8]. Так, у И. В. Сталина было достаточно оснований не доверять китайским заявлениям.

Внимательное изучение советско-китайских соглашений не дает повода говорить о «беспрецедентной щедрости» СССР в вопросах помощи Китаю. Наоборот, документы советско-китайских переговоров в начале 1950 г. как раз говорят о том, что СССР планомерно придерживался четкой линии соблюдения своих военно-политических и экономических интересов. Дополнительным соглашением к Советско-китайскому договору 1950 г. СССР добился, что на территории Маньчжурии и Синьцзяна не будут предоставляться иностранцам права на концессии и не будет допускаться деятельность промышленных, финансовых, торговых и иных предприятий, учреждений, обществ и организаций с участием, в прямой или косвенной форме, капитала третьих стран или граждан этих стран [2. Ф. 07. Оп. 23-а. П. 18. Д. 235. Л. 134]. В этом протоколе четко прослеживается стремление обезопасить прилегающие к границе СССР территории от проникновения иностранного капитала. Это, с одной стороны, гарантировало экономические интересы Советского государства, а с другой, не дало бы возможность иностранным разведкам действовать под прикрытием концессионных предприятий. Именно этот протокол говорит о том, что И. В. Сталин особо не верил новому китайскому правительству, так как пытался с помощью дополнительного соглашения гарантировать экономические и военно-политические интересы СССР в приграничных районах. Включение аналогичного обязательства со стороны Советского Союза говорит о простой формальности, так как на советской территории иностранных концессий не было уже давно.